

Репрессивная политика советской власти по отношению к Русской Православной Церкви в годы становления тоталитарного режима (1917-1938 гг.)

К началу революционных потрясений 1917 г. Русская Православная Церковь внешне представляла внушительную силу. В империи проживало 115 - 125 миллионов православных верующих (70 % населения), имелось 78 767 храмов и часовен, около 120 тысяч священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1256 монастырей и скитов с 107 тысячами монашествующих и послушников, 185 Духовных училищ, 62 Духовные семинарии и 4 Духовные академии (вместе более 53 тысячи учащихся)¹.

Февральская революция 1917 г. сопровождалась рядом антицерковных акций, вплоть до арестов архиереев по указанию местных советов. Она стала социальным детонатором антирелигиозных настроений среди недовольных своим существованием людей, в представлении которых Церковь и монархия были едины.

Новым «революционным» обер-прокурором правительство 3 марта назначило активного борца с распутищиной в Государственной Думе, давнего сторонника реформ в Церкви Владимира Николаевича Львова. Пришедший к власти на волне революции В.Н. Львов стремился как можно скорее освободить Церковь от «реакционного» епископата, не соответствовавшего, по его представлению, духу времени, и нередко действовал диктаторскими методами. 14 апреля 1917 г. по инициативе В.Н. Львова Временное правительство издало указ об освобождении всех прежних членов Синода, за исключением архиепископа Сергия (Страгородского). Были назначены новые, в основном либеральные по своим взглядам, члены органа высшей церковной власти².

В первые же дни Февральской революции был арестован Петроградский митрополит Питирим. 28 февраля 1917 г. его «в качестве усердного слуги старого режима» доставили из Александро-Невской лавры в Таврический дворец и поместили под охраной в министерском павильоне Государственной Думы. Там Владыка Питирим подал председателю Государственной Думы М.В. Родзянко заявление об увольнении на покой³. Вскоре, 23 марта 1919 г., Владыка скончался в Екатеринодаре.

Следующим после Владыки Питирима был уволен архиепископ Тобольский Варнава (7 - 8 марта), затем епископ Сарапульский Амвросий (18 марта), митрополит Московский Макарий (20 марта) и т.д. Всего после Февральской революции оказались уволены главы 20 епархий: Владикавказской, Владимирской, Екатеринбургской, Енисейской, Имеретинской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Петроградской, Полоцкой, Рязанской, Саратовской, Тобольской, Томской, Тульской, Харьковской, Херсонской и Черниговской. Кроме того, пострадало и некоторое количество викарных епископов. Таким образом, из почти 150 архиереев были удалены со своих кафедр 40 епископов⁴.

Основная масса духовенства была в целом аполитична и, выступая за демократические преобразования в структуре Церкви, не разделяла программные требования социалистических партий и революционных масс об отделении ее от государства. Сторонники другой точки зрения во главе с князем Е.Н. Трубецким и С. Булгаковым выступили за то, чтобы даже при проведении отделения за Православием оставался особый статус. Русская Церковь, по их мнению, столь органически срослась с народом, его культурой и государственностью, что ее уже невозможно оторвать от общественного организма — национального государства⁵.

Происходят конфликты Святейшего Синода с Временным правительством по вопросу церковно-приходских школ. 20 июня 1917 г. Временное правительство приняло постановление о передаче 37 тысяч церковно-приходских и церковно-учительских школ в ведомство Министерства народного просвещения⁶. Аналогичное столкновение произошло и по поводу подготовки проекта об исключении Закона Божия из числа обязательных предметов.

Политика Временного правительства в отношении Русской Православной Церкви была направлена на реализацию трех основных задач: установление лояльности «Ведомства православного исповедания» революционным властям и ликвидация символов его прежнего служения самодержавию; внутреннее реформирование Церкви при наличии узурпированного права утверждения церковных решений; постепенное максимально безболезненное разделение государственных и церковных структур⁷.

Следует отметить, что Временное правительство недооценило настроения достаточно широких слоев населения, к осени 1917 г. все более активно выступавших за радикализацию религиозной политики — полное отделение Церкви от государства, светское образование, равенство на практике различных вероисповеданий, освобождение верующих от чрезмерной опеки государственных структур и т.д. Заметно росли антиклерикальные настроения в армии. Крестьянство наряду с помещичьими начало захватывать и церковные земли. Даже московские власти приняли решение конфисковать в черте города все монастырские и церковные земельные участки. Сельские общины стали сокращать экономическую помощь духовенству, в приходах происходило изгнание неугодных клириков. Причем часто приходские приговоры были безосновательны⁸.

Февральская революция вызвала также заметный подъем национального движения, что не могло не отразиться и на церковной жизни. В различных регионах огромной страны стали подниматься вопросы о переходе на национальные языки за богослужением, избрании архиереев из представителей «своей» народности и т.п. Так в мае 1917 г. была начата работа по подготовке издания Св. Писания на украинском языке. 14 июня — 10 июля 1917 г. Синод объявил, что с его стороны «не встречается препятствий введению в местностях с малорусским населением малорусского языка в церковной проповеди и церковно-приходских школах».

С лета 1917 г. Православная Церковь начинает выходить из внутреннего кризиса, что ярко проявилось в избрании Патриарха и особенно в деятельности Поместного Собора. Однако для этого церковного возрождения оказалось отведено очень мало времени. С первых же дней Октябрьского переворота стал завязываться трагический конфликт Церкви с новой властью. Основная доля ответственности за ухудшение отношений с Московской Патриархией лежит на вновь образованном Совете Народных Комиссаров (Совнарком). Его соответствующие мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости учения марксизма с религиозной верой и отношением к Церкви, как союзнице царизма. С другой стороны, большая часть иерархов и клира враждебно встретила приход вооруженным путем к руководству страны крайне левого фланга общественно-политических партий.

Уже первые постановления советской власти непосредственно затронули большинство сфер жизнедеятельности Церкви. Так, декрет о земле 11 съезда советов и основанный на нем декрет о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. касался и наделов храмов, монастырей. Национализация частных банков повлекла утрату хранившихся там вкладов духовенства. Декларация прав народов России от 2 ноября предусматривала упразднение всех религиозных привилегий. В декабре были приняты декреты о передаче всего дела образования, включая богословские учебные заведения, в ведение Народного комиссариата просвещения, регистрации актов рождения, брака и смерти в исключительное ведение государственных организаций. В январе 1918 г. ряд наркоматов постановили уволить военных духовников, а также прекратить все выплаты на содержание церквей, священников, преподавателей Закона Божия и т.д.

Опубликование 31 декабря 1917 г. в газетах проекта декрета об отделении Церкви от государства явилось полной неожиданностью для верующих. Одним из первых свое категорическое несогласие выразил Петроградский митрополит Вениамин, направивший 10 января открытое письмо в Совнарком. В нем отмечалось: *«Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу... Волнения могут принять силу стихийных движений... и привести к тяжелым*

последствиям... считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим у власти, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых»⁹. В.И. Ленин, наложивший резолюцию: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства»¹⁰.

В конце декабря 1917 г. — январе 1918 г. по стране прокатилась серия антирелигиозных акций, явно предвосхищавшая готовившийся закон об отделении Церкви от государства. Были закрыты дворцовые и некоторые домовые храмы с конфискацией их имущества.

Антицерковные акции не остались без ответа Патриарха Тихона. Они, а также становящаяся все более кровавой Гражданская война, явились причиной появления его воззвания от 19 января 1918 г. В нем Патриарх клеймил врагов Истины Христовой, которые кровопролитием, братской междоусобицей по всей стране выполняли «дело сатаны», и предал их анафеме¹¹.

В ответ на последовавшие от большевиков гонения, в своем самом резком послании Совнаркому от 25 октября 1918 г. Патриарх Тихон писал: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы, ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции...»¹²

25 января 1918 г. мученически погиб первый архиерей — митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). В ноябре 1917 г. в г. Киеве был организован комитет по созыву Всеукраинского Церковного Собора, который быстро преобразовался во «временное правительство» для всей Украинской Православной Церкви. Митрополита Владимира было решено не допускать его возвращение из Москвы в Киев. В ответ на эти самозванные действия 24 ноября состоялось общее многолюдное собрание союза приходских православных советов г. Киева, постановившие всеми силами протестовать против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную Украинскую Церковь.

К вечеру 23 января 1918 г. большевистские войска заняли Лавру, и в ней начались репрессии, в том числе казни. Насилиями и угрозами — всех монахов перебить и перерезать, или собрать их в один корпус и взорвать на воздух, — насельники оказались запуганы и не оказали никакого сопротивления. 25 января революционные солдаты расстреляли Владыку Владимира¹³. 5 апреля 1992 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил Владыку к лику святых. Честные мощи священномученика Владимира митрополита Киевского и Галицкого были обретены летом 1992 г. и положены в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры¹⁴.

20 января 1918 г. был принят и 23 января в газетах был опубликован декрет Совнаркома «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», первоначально называвшийся «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». Именно он заложил основы будущего, бесправного положения Церкви, хотя содержал и ряд демократичных положений, в том числе о свободном исповедании любой религии. Однако в декрете провозглашалось запрещение религиозным обществам владеть собственностью, лишение их прав юридического лица и национализация церковного имущества¹⁵. В ответ, на заседании 25 января Поместный Собор постановил: «Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения»¹⁶. 27 января Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая мирян объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы,

причем некоторые из них были расстреляны, в общественных местах устраивались богослужения в поддержку Патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции и т.д. В ответ священников и мирян нередко арестовывали за нежелание помогать комиссиям по описи церковного имущества, которые намеренно оскорбляли религиозные чувства верующих. Довольно распространенным явлением стали требования местных властей венчать молодоженов, один из которых ранее был разведен в гражданском порядке. За отказ арестовывали и судили и т.д.

27 января 1918 г. в своем публичном докладе работник Наркомата юстиции А. Шпицберг сообщил, что готовятся декреты о запрещении причащения как «колдовского акта», об изъятии священных сосудов, закрытии церквей и объявления духовенства «контрреволюционным»¹⁷.

Уже в начале 1918 г. в России наметился массовый религиозный подъем, к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия Гражданской войны. Преподавание Закона Божия в государственных школах в основном прекратилось уже в январе 1918 г., хотя на многих родительских собраниях выносились резолюции за его сохранение, создавались родительские комитеты по наблюдению за религиозным воспитанием детей. Массовое создание церковных братств и другие события зимы — весны 1918 г. оказались неожиданными для Совнаркома, рассчитывавшего на быстрое и относительно безболезненное осуществление декрета об отделении Церкви от государства. Однако этому помешало прежде всего недовольство многомиллионного крестьянства. Если оно в целом поддерживало меры экспроприации церковно-монастырской собственности, то в отношении введения гражданской метрикации, лишения приходов имущественных прав, устранения из школ Закона Божия отреагировало негативно. Крестьянство выступало против «обмирщения» традиционного уклада жизни, ломки «незыблемых устоев» «жизни по вере» в российской деревне. Мешали проведению декрета и отсутствие подготовленных работников, непоследовательность местных властей, различное понимание и толкование норм закона.

Святейший Патриарх Тихон весь период своего правления понимал себя в качестве Патриарха, действующего по заданию Собора, и всеми доступными ему средствами боролся за соборность Церкви, неоднократно предпринимая попытки добиться созыва нового Поместного Собора Деятельность Священного Синода и Высшего церковного совета продолжалась вплоть до апреля 1922 г., даже неоднократные аресты Патриарха не привели к отмене их заседаний, проходивших 3—4 раза в месяц. Несмотря на энергичные протесты против декрета «Об отделении церкви от государства» и призывы к верующим о защите православной веры и Церкви, именно Собор 1917—1918 гг. положил начало традиции поиска компромиссов с новой советской властью, уже в годы Гражданской войны получившей развитие в деятельности Патриарха Тихона.

За годы Гражданской войны число архиереев Русской Церкви в результате репрессий, эмиграции и естественной смерти сильно сократилось. И здесь большую роль сыграло определение Поместного Собора от 15 апреля 1918 г. «О викарных епископах», в соответствии с которым расширялись их полномочия и увеличивалось число викариатов. Несмотря на значительные препятствия, это постановление было исполнено. Если в 1918 г. было совершено 4 архиерейские хиротонии, то в 1919 г. — 14, в 1920 г. — 30, в 1921 г. — 39 и т.д. Таким образом, число епископов выросло в несколько раз и составило в 1920-е гг. более 200¹⁸. В условиях гонений, когда правящие архиереи подвергались арестам, управление епархиями брали на себя находящиеся временно на свободе викарии. Причем до 1927 г. ссыльные архиереи могли занимать кафедры в городах, из которых они были удалены, сохраняя, таким образом, молитвенно-каноническую связь с епархией. Многочисленность епископата стала одной из причин позволивших сохранить Русской

Православной Церкви апостольскую преемственность, несмотря на жесточайшие репрессии.

Со второй половины 1918 г. антицерковные мероприятия государства резко активизировались. 10 июля V Всероссийский съезд советов принял первую Конституцию РСФСР, которая законодательно закрепила отделение Церкви от государства и школы от Церкви, а также ввела ограничение политических прав в отношении служителей культа¹⁹. В ответ на определение Поместного Собора «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», наметившее некоторые защитные действия, Совнарком 30 июля принял постановление «О набатном звоне». Согласно ему, за участие в созыве населения набатом виновные предавались суду трибунала.

24 августа 1918 г. вышла инструкция Наркомата юстиции «О порядке проведения в жизнь декрета "Об отделении церкви от государства и школы от церкви"», еще более ужесточившая требования властей. На реализацию статей инструкции, в частности, полного изъятия у религиозных обществ всего небогослужебного имущества, метрических книг и т.п., отводился всего двухмесячный срок²⁰. Еще 8 мая 1918 г. при Наркомате юстиции был создан VIII отдел (так называемый «ликвидационный», позднее V отдел) «по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства» во главе с П.А. Красиковым. Церковно-государственные отношения и деятельность VIII отдела Наркомата юстиции характеризует письмо члена Поместного Собора профессора Н.Д. Кузнецова В.И. Ленину от 29 ноября 1918 г.: *«...Все это указывает на какую-то нетерпимую исходную точку зрения VIII отдела, лишаящую духовенство и православный народ права не только протеста, но уже и простого, свойственного принципу свободы личности...31 августа 1918 г. № 210 по поводу заявления его и протеста Всероссийского Церковного Собора о призыве на военную службу священного сана, епископов, священников и диаконов Отдел в конце пишет, что "заявление Кузнецова и протест Собора противоречат революционным законам и являются обычным для контрреволюции средством контрагитации против советской власти". 30 сентября 1918 № 260 по поводу моего заявления о невозможности закрытия монастырей и выселения монашествующих в течение всего 3 дней, Отдел в конце пишет, что он рассматривает "заявление Н.Д. Кузнецова, как очередной демонстративный протест, не имеющий основания ни с точки зрения революционного правосознания, ни в исторических прецедентах, ни в учении даже того религиозного культа, к которому причисляют себя все тунеядствующие монахи"... Что касается собственно монастырей, то VIII отдел объявляет без исключения всех монахов тунеядцами, не достойными никакого внимания, и находит, что в ближайшую очередь в качестве общей меры должно быть выселение монахов из всех монастырей, т.е. полное закрытие монастырей, существующих целые века и нередко составляющих дорогие для народа центры религиозно-нравственной жизни...»²¹*

Обеспокоенные медленной реализацией своих директив, наметившимся совместным противостоянием им представителей различных конфессий, к концу лета власти решили использовать карательные меры. В это же время обострение политической ситуации в стране в целом вызвало появление постановления Совнаркома о «красном терроре» от 5 сентября 1918 г. Террор самым непосредственным образом затронул духовенство, погибли сотни священников, монахов, архиереев. Расчет строился на полном и недолгом отмирании Церкви и религии, которые определялись не более как «предрассудки». Считалось, что их может достаточно быстро преодолеть «целенаправленная система воспитания» и «революционного воздействия», в том числе насильственного. Подобные взгляды получили отражение в принятой в марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) программе партии. По существу, в ней ставилась задача тотального наступления на религию, говорилось о грядущем «полном отмирании религиозных предрассудков»²².

Развернулось наступление на монастыри, хотя антирелигиозная политика Совнаркома не сразу в полном объеме затронула обитатели. Как закон о земле, так и закон о

социализации земли давали возможность сохранения монастырских хозяйств путем перехода на положение сельскохозяйственных артелей и коммун. Уже весной 1918 г. некоторые обители были преобразованы в сельскохозяйственные артели и коммуны и в таком виде просуществовали до начала «сплошной коллективизации». К марту 1921 г. по неполным сведениям в 116 обителях возникли артели и подобные хозяйства²³. Постепенно отношение к монастырям стало меняться, с конца 1918г. возобладала линия на закрытие обителей. Основанием для этого послужило положение Декрета СНК об отделении Церкви от государства, согласно которому все монастырское имущество подлежало безусловной национализации. В связи с этим местными органами власти принимались решения о передаче монастырских помещений, в том числе богослужебных и жилых, заинтересованным советским учреждениям. Так президиум Московского совета принял в январе 1919 г. постановление о передаче монастырских помещений отделу народного просвещения. При этом монашествующие из большинства монастырей были выселены.

Одним из самых сомнительных шагов органов советской власти в их религиозной политике стала широкомасштабная кампания по ликвидации святых мощей, почитаемых в православии. Она никак не согласовывалась с принципами декрета об отделении и являлась грубым вмешательством в сугубо внутренние дела Церкви, попыткой, по сути, регулировать каноны ее жизни и богослужебной практики. Первые подобные случаи относятся к лету и осени 1918 г., кампания же началась со вскрытия мощей св. Александра Свирского в октябре этого года в Свято-Троицком Александро-Свирском монастыре Олонецкой епархии. 22 октября вооруженный отряд, направленный Олонецкой ЧК, разграбил Александро-Свирский монастырь. Он не только конфисковал около 1 тонны церковного серебра, но и отобрал у монахов продовольствие, одежду, обувь, церковное вино. Причем в Петрозаводский музей было передано только 74 предмета, остальное, в том числе серебряные ризы, раки, священные сосуды XVI—XVII веков, переплавили в слитки. Злоупотребления оказались настолько вопиющими, что несколько чекистов вскоре были арестованы²⁴.

30 октября 1919 г. Наркоматы юстиции и земледелия издали циркуляр, предписавший строго отличать объединенные хозяйства от «так называемых религиозных организаций», имеющих богослужебные цели. Последние не подлежали регистрации в качестве производственных и хозяйственных объединений и не имели права на наделение инвентарем и землей. Устанавливалось, что членами коммун, трудовых артелей, товариществ не могли быть монахи и священники, как лишенные избирательных прав. В них имели право вступить только послушники и работники-бедняки, не принадлежавшие к церковной и монастырской иерархии. В резолюции «Об отделении церкви от государства» III Всероссийский съезд деятелей советской юстиции в июне 1920 г. признал «недопустимым и противоречащим интересам революции предоставление религиозным коллективам особых прав и привилегий (прав земельных коммун, производственных коммун)»²⁵

Особенный размах вскрытия мощей стали приобретать весной 1919 г. Эти акции были расценены как действенное средство антирелигиозной пропаганды и получили полное одобрение органов государственной власти. 1 февраля 1919 г. Народный комиссариат юстиции принял первое постановление об организованном вскрытии мощей, а 14 марта в новом постановлении указал: *«Вскрытие мощей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как и следовало ожидать, на поверку оказывается, что никаких "мощей" не существует, и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культа, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы...»* Открытые раки предполагалось передавать в местные музеи»²⁶

К лету 1920 г. по стране в целом произвели 58 вскрытий мощей, и правительство решило полностью завершить эту кампанию. 29 июля Совнарком утвердил предложения

Наркомата юстиции «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». Согласно данным советской печати, до осени 1920 г. было вскрыто 63 раки со святыми мощами²⁷

Ряд созданных из монастырей обителей-коммун были ликвидированы, другие «очищены» от монашествующих. К концу 1920 г. органы власти закрыли уже 673 из имевшихся на территории страны 1103 монастырей (153 обители оказались за границами советской России), а всего на 1 января 1922 г. было национализировано почти две трети имевшихся в России монастырских комплексов — 722²⁸. К осени 1920 г. завершилась национализация церковного имущества. Согласно отчету VIII отдела Наркомата юстиции, к этому времени у Московского Патриархата было изъято 7 150 млн руб., 828 тысяч десятин монастырской земли, 1112 доходных домов и т.д.²⁹

По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского государственного университета, в конце 1917 - 1919 гг. оказалось репрессировано 20 тысяч священнослужителей и мирян, в том числе 15 тысяч расстреляно, а из 564 членов Всероссийского Поместного Собора репрессированы 171, из них 75 убиты и 45 прославлены в лике святых³⁰. В сентябре 1918 г. были ликвидированы братства приходских советов, закрыто большинство церковных органов печати, из-за противодействия властей прекратил свою деятельность Поместный Собор³¹.

Вводившаяся в стране новая экономическая политика (НЭП) значительно скорректировала позицию руководителей государства по данному вопросу. НЭП требовал сделать более терпимым отношение к религиозным организациям, особенно в деревне, подавляющая часть населения которой оставалась верующей. Тактика борьбы с Церковью была изменена. Акценты в этой борьбе начали смещаться в плоскость активизации пропагандистских усилий среди населения. С августа 1920 г. начал функционировать организованный отдел пропаганды и агитации ЦК РКП(б). 12 ноября Совнарком принял декрет о создании Главного политико-просветительного комитета республики во главе с Н.К. Крупской. При губернских комитетах партии появились антирелигиозные семинары для подготовки квалифицированных пропагандистов.

Назревавшее установление дипломатических отношений со странами Запада в перспективе требовало смягчения ситуации вокруг «религиозного вопроса». И в начале 1922 г. в результате дискуссий в ЦК РКП(б) и Совнаркоме пришли к выводу, что руководство Православной Церковью в довольно сжатые сроки должно взять в свои руки духовенство, абсолютно лояльное советской власти и правительству. А уже с этим духовенством и предполагалось на время нормализовать отношения.

21 марта 1922 г. в докладной записке Государственного политического управления (ГПУ) в Политбюро ЦК РКП(б) весьма откровенно говорилось о необходимости произвести своеобразный «переворот»: *«ГПУ располагает сведениями, что некоторые местные... иереи стоят в оппозиции реакционной группе синода и что они в силу канонических правил и других причин не могут резко выступить против своих верхов, поэтому они полагают, что с арестом членов синода им предоставляется возможность устроить Церковный Собор, на котором они могут избрать на патриарший престол и в синод лиц, настроенных более лояльно к Советской власти. Оснований для ареста Тихона и самых реакционных членов синода у ГПУ и его местных органов имеется достаточно. ГПУ находит: 1) что арест синода и патриарха сейчас своевременно, 2) что допущение Духовного Собора на предмет избрания нового синода и патриарха сейчас тоже возможно...»*³²

В докладной записке Л.Д. Троцкого от 30 марта, без возражений утвержденной Политбюро, была практически сформулирована вся тактическая и стратегическая программа деятельности партийного и государственного руководства по отношению к обновленческому духовенству, проведению раскола в Русской Церкви: *«Если медленно определяющееся буржуазно-соглашательское сменовеховское крыло церкви развилось и укрепилось, то оно стало бы для социалистической революции гораздо опаснее церкви в ее нынешнем виде... Поэтому сменовеховское духовенство надлежит рассматривать,*

как опаснейшего врага завтрашнего дня. Сегодня же надо повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью. В этой борьбе мы должны опереться на сменовеховское духовенство, ангажируясь политически, а тем более принципиально... Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом изъятия ценностей; во-вторых, заставить довести их эту кампанию внутри церкви полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии... Попутно расправляемся чекистскими способами с контрреволюционными попами... К моменту созыва собора нам надо подготовить теоретическую пропагандистскую кампанию против обновленной церкви: Просто перескочить через буржуазную реформацию церкви не удастся. Надо, стало быть, превратить ее в выкидыш...»³³.

Таким образом, власти изначально планировали использовать обновленцев в своих целях, а затем «выбросить» как «отработанный материал».

Ситуация, значительно облегчившая наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. В Политбюро ЦК РКП(б) некоторое время шла борьба по вопросу отношения к духовенству. А. Рыков, Л. Каменев, М. Калинин выступали против «решительных мер» к священнослужителям, на чем настаивали Л. Троцкий (он был ответственным от Политбюро за проведение кампании по изъятию ценностей), Г. Зиновьев, Н. Бухарин и некоторые другие. В.И. Ленин первоначально колебался. Однако первые спровоцированные столкновения при конфискации ценностей дали повод перейти в наступление на «церковных мракобесов» и изменили расстановку сил, Ленин активно поддержал Троцкого и его сторонников³⁴.

В своем письме В.М. Молотову для членов Политбюро 19 марта 1922 г. он писал: «...данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей... мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и, не останавливаясь, перед подавлением какого угодно сопротивления». Ставилась и цель создания золотого запаса для нужд государства³⁵.

Так вспыхнул новый трагический конфликт Церкви с государством. В 1922 г. по всей стране прошло 250 судебных процессов, сфабрикованных в связи с «сопротивлением изъятию церковных ценностей». Против духовенства также применялась трехлетняя административная высылка без суда, введенная декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. В результате в 1922 - 1923 гг., по сведениям протопресвитера Михаила Польского, погибли в столкновениях или были расстреляны по суду около 8100 священников и монашествующих³⁶. Согласно же сведениям Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в 1921 - 1923 гг. общее количество репрессированных составило 20 тысяч человек, в том числе около одной тысячи расстреляли³⁷.

Участие ГПУ в кампании выражалось прежде всего в регулярном сборе информации с мест о проведении изъятия, настроениях духовенства и мирян, актах сопротивления изъятию и расколу в Церкви. В ходе антицерковных акций 1922 г. ГПУ постепенно заняло ведущее место в осуществлении государственной политики в отношении Церкви. Складывалась система, согласно которой высшая партийно-государственная власть принимала важнейшие политические решения в церковной сфере, а их проведение в жизнь передавалось главным образом органам ГПУ-ОГПУ-НКВД. Основным органом борьбы с Церковью с этого времени надолго стало VI («церковное») отделение секретного отдела ГПУ во главе с Е.А. Тучковым³⁸.

Параллельно с локальными репрессивными акциями в 1920-е гг. власти активно проводили пропагандистские антирелигиозные мероприятия, стараясь вовлечь в их осуществление широкие слои молодежи. К ним относились: безбожные шествия, ан-

тирелигиозные лекции, диспуты, комсомольские обряды и т.п. Так, в феврале 1923 г. была создана специальная Центральная комиссия по проведению «Комсомольской пасхи» при Политпросвете ЦК РКСМ.

Советскому руководству становилась очевидной бесперспективность обновленческого движения в целом. Большевистские лидеры, формально оказывая покровительство раскольникам, с пренебрежением относились к обновленческому движению и открыто заявляли, что в Советском государстве у него нет и не может быть будущего. Так, например, Л.Д. Троцкий в своей известной книге «Литература и революция» так писал о «живоцерковниках»: *«Обновленческое, сменовеховское направление в церкви есть запоздалая попытка бюрократизированной заранее буржуазной реформации под покровом приспособления к советскому государству... Реформация церкви открылась лишь через четыре года после пролетарского переворота. Если "живая церковь" освящает социальную революцию, то это только в поисках покровительственной окраски. Пролетарской церкви не может быть»*³⁹.

Наиболее дальновидные обновленческие деятели понимали, что покровительство властей ненадежно, в то время как гонимые «тихоновцы» пользуются поддержкой подавляющего большинства верующих. С другой стороны, в ГПУ начали разрабатывать план включения обновленцев в Патриаршую Церковь, чтобы поставить ее под полный контроль. Еще в сентябре 1923 г. обновленческий Синод сделал попытку найти соглашение с Московской Патриархией. Суть предлагаемого обновленцами компромисса сводилась к следующему: после соответствующих приготовлений открывается «общий» Собор «обновленцев» и «староцерковников» под председательством Патриарха Тихона. Сразу же после открытия предполагаемого Собора Патриарх сам просит об увольнении на покой. Собор удовлетворяет эту просьбу и при этом «восстанавливает его в сущем сане», а затем приступает к устройению церковных дел.

Следует заметить, что определенную негативную роль в церковной смуте 1920-х гг. сыграл Вселенский Патриарх, а также поддержавшие его Александрийский и Иерусалимский Патриархи. В мае 1924 г. Константинопольский Патриарх Григорий VII, не без воздействия сотрудничавших тогда с СССР турецких властей, выпустил постановление о признании обновленческого Синода. Тогда же им была направлена в Москву делегация для расследования церковных дел. В данной ей инструкции указывалось на желательность удаления на покой Патриарха Тихона, «ради единения расколовшихся»⁴⁰. В связи с этим Первосвятитель Русской Церкви справедливо указывал в письме Вселенскому Патриарху: *«Мы немало смутились и удивились, что представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с нами, как с законным представителем и главою всей Русской Православной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви...»*⁴¹.

В связи с войной, изменением границ у многих епархий была полностью или частично нарушена связь с каноническим центром Русской Церкви в лице Синода и Патриарха. В связи с этим Священный Синод под председательством Патриарха 5 мая 1920 г. принял постановление о предоставлении епархиальным архиереям права решать на местах все церковные дела (в том числе те, которые ранее входили в компетенцию Синода) в случае прекращения связи с высшим церковным управлением⁴².

Священный Синод и Высший церковный совет на совместном заседании под председательством Патриарха Тихона 20 ноября 1920 г. приняли беспрецедентное в истории Русской Церкви постановление № 362 о самоуправлении епархий в случае отсутствия канонического высшего церковного управления или невозможности связи с ним. Основные его положения сводились к следующему:

«Пункт 2. В случае, если епархия, вследствие передвижения фронта, изменения государственной границы и т.п., окажется вне всякого общения с Высшим Церковным Управлением или само Высшее Церковное Управление почему-либо прекратили свою деятельность, епархиальный архиерей немедленно входит в сношения с архиереями соседних епархий на предмет организации высшей инстанции церковной власти для нескольких епархий, находящихся в одинаковых условиях в виде ли Временного Высшего Церковного Правительства или Митрополичьего округа или еще иначе.

Пункт 4. В случае невозможности установить сношения с архиереями соседних епархий и впредь до организации Высшей Церковной Власти, епархиальный архиерей воспринимает на себя всю полноту власти, предоставленной ему церковными канонами.

Пункт 5. В случае, если положение вещей, указанное во 2 и 4 пунктах примет характер длительный или даже постоянный, в особенности при невозможности для архиерея пользоваться содействием органов епархиального управления, наиболее целесообразной (в смысле утверждения церковного порядка) мерой представляется разделение епархии на несколько местных епархий...»⁴³.

Часть духовенства активно проявляла себя на территориях, занятых белогвардейскими формированиями. В этих губерниях многие архиереи и клирики включились в политическую деятельность или пассивно поддерживали Белое движение. В ходе войны, отторгнутые от Патриархата епархии еще до принятия указа № 362 переходили на самоуправление, организуя местные центры. С ноября 1918 г. действовало Временное высшее духовное управление в Сибири и Приуралье, такой же орган возник на юге России в мае 1919 г. В Белой армии служило военное духовенство — в войсках Колчака около 2 тыс., у Деникина — более 1 тыс., Врангеля — более 500⁴⁴. Значительная часть из них впоследствии оказалась в эмиграции.

Определенное значение уже в годы Гражданской войны имело рассмотрение Поместным Собором вопросов, связанных с судьбой отдельных национальных частей Русской Православной Церкви и проблем взаимоотношений с другими христианскими конфессиями. Так, 29 мая 1918 г. Собор даровал автономный статус Украинской Православной Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с РПЦ.

Для упорядочения церковной жизни на Украине еще в 1921 г. Священный Синод принял решение о создании Украинского экзархата. Поскольку законно избранный митрополит Киевский Антоний (Храповицкий) вынужденно оставил кафедру и оказался в эмиграции, то в силу чрезвычайных обстоятельств на нее Патриаршим указом был назначен архиепископ (впоследствии митрополит) Михаил (Ермаков), ставший одновременно Патриаршим экзархом Украины. В дальнейшем положение Церкви на Украине оказалось достаточно сложным. В октябре 1921 г. там появился раскол так называемых самосвятов (липковщина), зашедших в своем «реформаторстве» еще дальше, чем впоследствии обновленцы, которые также активно развернули там свою деятельность, причем ими опять был поднят вопрос об Украинской автокефалии. А весной 1924 г. воспользовавшись временным отсутствием находившегося в ссылке экзарха митрополита Михаила, часть украинских епископов во главе с бывшим архиепископом Харьковским Иоанникием (Соколовским), отделившись от Патриарха, решила организовать самостоятельную Украинскую Церковь. Этот раскол, в дальнейшем называемый лубянским, частично охватил Харьковскую, Полтавскую, Киевскую и некоторые другие епархии. Сознывая, сколь пагубным может оказаться такое разделение, Патриарх Тихон 6 апреля 1924 г. принял на себя временное управление всеми церквями на Украине, о чем известил епископат, клир и мирян специальным посланием.

Деятельность Патриарха Тихона сильно осложнялась тем, что Патриаршая Церковь и органы ее управления не имели официального признания со стороны властей, формально в качестве Русской Православной Церкви Советское государство признавало лишь обновленцев. В советской печати того времени, когда речь заходила о Патриархе, неизменно ставился предикат «бывший». К тому же свое собственное видение содержания

и способов «церковной политики» имели Наркомат внутренних дел и Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), практически пытавшиеся развалить Патриархат изнутри еще с 1918 г.

Вплоть до кончины Патриарха Тихона оставался в силе циркуляр Наркомата юстиции № 254 от 8 декабря 1923 г., запрещавший публичное возношение за богослужениями имени Патриарха, что рассматривалось *«как деяние, носящее характер явной политической демонстрации против рабоче-крестьянской власти»*. В разъяснении Наркомата по этому поводу говорилось, что *«постановление ЦИК СССР по делу гр. Беллавина основано на праве частной амнистии, а не на отсутствии состава преступления в действиях гр. Беллавина вообще, а потому нет никакого основания считать, чтобы циркуляр № 254 утратил силу»*⁴⁵.

С рубежа 1928—1929 гг. началось существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне и тд. В период ликвидации нэпманов, кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов, охранителя старого.

Первые крупные вехи нового курса пришлись на весну 1929 г. 8 апреля 1929 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли закон «О религиозных объединениях», который с некоторыми изменениями несколько десятилетий являлся основой советского законодательства о культах. Вскоре аналогичные постановления были приняты и в других союзных республиках. Согласно этим законам, вся жизнь религиозных организаций окончательно ставилась под контроль государства. В мае XIV Всероссийский съезд Советов изменил 4-ю статью Конституции РСФСР — вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» теперь дозволялась лишь «свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». В июне на II съезде «Союза воинствующих безбожников» (СВБ) прозвучал лозунг — «борьба с религией есть борьба за социализм», говорилось о необходимости объявления «безбожной пятилетки»⁴⁶.

Изменение курса религиозной политики привело к ликвидации Комиссии по проведению отделения церкви от государства, которая во второй половине 1920-х гг. итак постепенно теряла свое влияние. Она становилась лишней, так как антирелигиозную пропаганду взял на себя «Союз воинствующих безбожников», инсценировавший массовое антирелигиозное движение, административной же работой занялись структуры окрепшего советского аппарата. 8 апреля 1929 г. была образована во многом параллельная Центральная постоянная комиссия по вопросам культов при ВЦИК. Комиссия по проведению отделения церкви от государства была распущена решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г.

В рамках новой жесткой политики, прежде всего в связи с разжиганием классовой борьбы в деревне, была предрешена участь монашеских коммун, артелей и монашества в целом, как «социальных институтов, чуждых социалистическому образу жизни». В советской прессе стали появляться сообщения о том, что обитатели некоторых монастырей вели антисоветскую пропаганду среди окрестных крестьян, настраивая их против колхозов. По стране прокатилась новая волна закрытия и разрушения православных храмов и обителей⁴⁷.

С 1928 г. в СССР начала осуществляться массовая ликвидация церквей «силовым порядком» и не домовых, как раньше, а теперь уже приходских. Если в 1927 г. в России было закрыто 134 молитвенных здания, то в 1928 г. — 542, а в 1929 г. — 1000⁴⁸. Осенью этого года в инструкции местным органам НКВД и советским работникам называлось на необходимость активизации борьбы на «религиозном фронте».

Начало 1930 г. характеризовалось продолжением натиска 29 января на заседании исполнительного бюро Центрального Совета СВБ был принят план первой «безбожной пятилетки», по которому, в частности, предполагалось довести число членов организации до 10 миллионов. 6 февраля незадолго до этого созданная Комиссия по вопросам культов при ВЦИК решила, что процедура закрытия церквей подлежит упрощению, по сравнению с законом от 8 апреля 1929 г. Теперь право окончательного решения вопроса по большинству случаев было передано областным и краевым советам. Наконец, 11 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», в котором правительствам союзных республик предлагалось при регистрации органов центрального управления этих объединений исключать из них кулаков, лишенцев и иных «враждебных советской власти» лиц⁴⁹

К весне 1930 г. ситуация в религиозном вопросе стала критической. Гонения власти вызывали массовые выступления в деревнях, кое-где происходили вооруженные столкновения с верующими. 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) было принято постановление «О борьбе с искривлениями в колхозном движении», осуждавшее перегибы в отношении религии: *«Решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке, фиктивно прикрываемую общественно-добровольным желанием населения. Допускать закрытие церквей лишь в случае действительного желания подавляющего большинства крестьян и не иначе, как с утверждения постановлений сходов областными исполкомами. За издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян и крестьянок привлекать виновных к строжайшей ответственности»*⁵⁰.

Важной причиной временного смягчения государственной политики по отношению к религиозным организациям в СССР явилось послание Папы Римского Пия XI от 2 февраля 1930 г. с призывом к верующим всего мира о молитве за гонимую Русскую Церковь, существенно подрывавшее международный авторитет советского правительства. Последнее попыталось опровергнуть послание Папы и свернуло некоторые уже подготовленные антицерковные акции⁵¹. Впрочем, отступление от «твердого курса» оказалось кратковременным. Уже с середины 1931 г. религиозная политика в СССР вновь резко ужесточилась. Начала расти новая волна ликвидации церквей «большевистскими» темпами. Органы власти в ряде регионов страны впервые ставят задачу полного «искоренения» действующих храмов. В РСФСР в целом в 1931 г. имелось 42343 официально зарегистрированных религиозных общества, а уже в 1933 г. — 22 676⁵²

Одновременно с закрытием храмов проводились массовые репрессии верующих. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, в 1930 - 1932 гг. по церковным делам было арестовано около 60 тысяч человек, в том числе 5 тысяч расстреляно. Гонениям подвергались и архиереи Русской Церкви — только в 1928 - феврале 1930 гг. от преследований пострадали 197 иерархов Московского Патриархата⁵³. Заметный рост репрессий показывают и данные ОГПУ: если за семь лет периода НЭПа было арестовано 7649 «церковников», то за один лишь 1930 г. почти в два раза больше — 13 354⁵⁴.

Несмотря на все усилия советских властей, к середине 1932 г. стало ясно, что первая «безбожная пятилетка» провалилась. И в июле рабочий президиум Центрального Совета СВБ рассмотрел вопрос о директивах к составлению II пятилетнего плана безбожников. Состоявшаяся в начале года XVII конференция ВКП(б) определила контуры второй народнохозяйственной пятилетки, основной задачей которой ставилось построение «бесклассового социалистического общества». Отсюда и возникла идея ликвидировать капиталистические (а значит, как считалось, и религиозные) пережитки в сознании людей. СВБ поставил утопическую цель — окончательно порвать с религией в бесклассовом обществе⁵⁵.

В феврале 1933 г. Комиссии по вопросам культов при ВЦИК по настоянию ГПУ приняла постановление «О состоянии религиозных организаций» с призывом проводить

решительную линию по сокращению возможного влияния служителей культов в массах трудящихся. В следующем месяце тяжелый удар по духовенству был нанесен при проведении паспортизации населения в крупных городах страны. Во второй половине 1933 г., вскоре после запрещения во многих населенных пунктах колокольного звона, началась широкомасштабная кампания по снятию и переплавке колоколов с действующих церквей. Проводилась она по всей стране в соответствии с директивами Совнаркома, по линии ОГПУ шел тщательный учет бронзы⁵⁶.

Достигнув к началу 1934 г. пика, гонения на Православную Церковь затем постепенно ослабели. С весны вновь происходит определенное изменение отношения к религиозным организациям в СССР. В руководящих органах партии, в том числе в Политбюро ЦК ВКП(б), консолидируется умеренная группа во главе с СМ. Кировым, недовольная многими левацкими перегибами в области внутренней политики. На отношение к Церкви повлияло не только некоторое общее смягчение внутренней политики, но и перемены на международной арене — установление дипломатических связей с США, приход в Германии к власти нацистов, а в более глобальном плане отказ по существу от концепции разжигания «мировой революции».

Вторая небольшая «оттепель» в отношениях Церкви и государства оказалась еще более кратковременной, чем в 1930—1931 гг. В декабре 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) СМ. Киров. Его гибель использовали для нагнетания широкомасштабной кампании репрессий и террора. Она затронула все слои населения, однако особенно пострадали духовенство и верующие. Церковные организации все более и более обвинялись в контрреволюционной, антисоветской деятельности. Гонения на них в 1935—1938 гг. шли по нарастающей. Требовались все новые жертвы для обоснования концепции Сталина об обострении классовой борьбы в обществе по мере строительства социализма. И Церкви отводилось место только в лагере противников этого строительства. В 1937 г. председатель Центрального совета СВБ Е. Ярославский заявлял, что «религиозные организации — единственные, легальные реакционные вражеские организации», а другой член Центрального совета Ф. Олещук писал: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма»⁵⁷.

В послании IV расширенного пленума Центрального Совета СВБ Сталину в феврале 1938 г. также отмечалось, что перед трудящимися «все ярче обнаруживается реакционная роль религии и гнусная контрреволюционная деятельность религиозных организаций, смыкающихся с фашистскими контрреволюционными элементами». В конце 1930-х гг. общественное мнение уже обрабатывали таким образом, чтобы создать представление о подготовке в стране широкого заговора духовенства, руководимого зарубежными центрами и направленного на свержение советской власти. Для этого органами НКВД выстраивалась версия, что подобные шпионско-диверсионные организации действуют во многих областях СССР⁵⁸.

Фактически встал вопрос о самом существовании Православной Церкви и религии в стране. Летом 1935 г. власти запретили «Журнал Московской Патриархии», а в конце года из-за невозможности пополнить свой поредевший состав прекратил существование Временный Патриарший Священный Синод. В конце 1935 г. возобновились и массовые аресты епископата, духовенства, активных мирян. Особенного размаха они достигли в 1937 г. За еще оставшимися действующими храмами был установлен тщательный контроль, большинство посещавших их было известно, и всех представлявших, по мнению НКВД, какую-либо опасность постепенно выслали.

Руководство антирелигиозной кампанией в период т.н. «большого террора» осуществлял лично нарком внутренних дел Н.И. Ежов. По стране прокатилась волна судебных процессов над священнослужителями по обвинению их в шпионаже и террористической деятельности. К 1938 г. церковная организация оказалась в основном

разгромлена. Только в 1937 г. было закрыто более 8 тысяч церквей, ликвидирована 70 епархий и викариатств, расстреляно около 60 архиереев⁵⁹.

О количестве репрессированных иерархов существуют различные мнения. Так, по подсчетам историка и публициста Р. Медведева, в 1936 - 1938 гг. было арестовано около 800 архиереев (в том числе обновленческих, григорианских). Историк А. Левитин полагал, что в 1937—1939 гг. погибло около 670 епископов (280 патриарших и 390 обновленческих)⁶⁰. Но эти оценки несколько завышены, более точен канадский исследователь Д. Поспеловский, оценивавший число до 1956 г. скончавшихся насильственной смертью архиереев в 300 человек⁶¹. По подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти репрессиям подвергались 426 архиереев Московского Патриархата (4 Патриарха, 52 митрополита, 154 архиепископа и 213 епископов), из них 247 расстреляли. Самые большие жертвы пришлось на 1937—1938 гг., в этот период советские власти стремились уничтожить весь епископат, и в результате 80 % арестованных в то время архиереев — 165 человек были расстреляны или замучены⁶².

Общее количество репрессированных священнослужителей Д. Поспеловский занижает — 45 тыс. в 1930-е гг. и еще 5—10 тысяч в 1918—1929 гг. В ноябре 1995 председатель Комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий А. Яковлев привел следующие данные: за годы советской власти в СССР были уничтожены 200 тысяч священнослужителей (представителей всех конфессий), еще полмиллиона подверглись репрессиям⁶³. Наиболее точными представляются подсчеты комиссии по реабилитации Московского Патриархата — 350 тысяч репрессированных за веру к 1941 г. (в том числе не менее 140 тысяч священнослужителей). Из них 150 тысяч было арестовано в 1937 г. (80 тысяч расстреляно). Последняя цифра почти совпала с данными А. Яковлева — за 1937—1938 гг. репрессировано 165,2 тысячи, в том числе 106,8 тысячи расстреляно⁶⁴. Согласно же сделанным в последнее время подсчетам сотрудников Свято-Тихоновского гуманитарного университета, за весь период советской власти по церковным делам были репрессированы не менее 500 тысяч священнослужителей и мирян, из них одна треть расстреляна. Пик гонений пришелся на 1937—1938 гг. — около 200 тыс. арестованы, в том числе 100 тысяч расстреляны⁶⁵.

В конце 1937 года нарком Внутренних дел Н.И.Ежов направляет И.В.Сталину спецсообщение с грифом «совершенно секретно», в котором сообщает, что в ходе оперативных мероприятий органами НКВД *«почти полностью ликвидирован епископат православной церкви»* и приводит статистические данные нанесенного «оперативного удара» по церковному активу, в ходе которого осуждено к высшей мере наказания 13.671 христиан, оставшаяся часть - более 6 тысяч человек была обречена на гибель на каторжных работах: *«В связи с ростом контрреволюционной активности церковников и сектантов, нами, в последнее время, по этим элементам нанесен значительный оперативный удар. Всего в августе-ноябре месяцах 1937 года арестовано 31.359 церковников и сектантов; из них:*

<i>Митрополитов и епископов.....</i>	<i>166</i>
<i>попов.....</i>	<i>9.116</i>
<i>монахов.....</i>	<i>2.173</i>
<i>церковно-сектантского кулацкого актива.....</i>	<i>19.904</i>
<i>Из этого количества осуждено к ВМН.....</i>	<i>13.671</i>
<i>В том числе:</i>	
<i>епископов.....</i>	<i>81</i>
<i>попов.....</i>	<i>4.629</i>
<i>монахов.....</i>	<i>934</i>
<i>церковно-сектантского кулацкого актива.....</i>	<i>7.004</i>

Оперативный удар нанесен исключительно по организуемому и руководящему антисоветскому активу церковников и сектантов. В результате наших оперативных мероприятий почти полностью ликвидирован епископат православной церкви, что в значительной степени ослабило и дезорганизовало церковь. Остались одиночки епископы, при том условии, что мы пресекаем всякие попытки к выращиванию каких-бы то ни было новых епископов и митрополитов. Вдвое сократилось количество попов и проповедников, что также должно способствовать дальнейшему разложению церкви и сектантов.

В данное время по Союзу, по неполным данным учтено всего 6.990 легальных церквей, 9.570 попов и свыше 2.000 сектантских проповедников.

...НКВД Украины в сентябре месяце с.г. ликвидирована фашистская организация церковников тихоновцев, руководимая т.н. украинским экзархом митрополитом Дьяковым — агентом германской и польской разведок. По заданию Дьякова участники организации — попы Линчевский и Делиев — создали на Украине ряд фашистских ячеек при церковных приходах, которые должны были к началу войны создать повстанческие отряды и вести разлагающую работу среди призывников.

...Многие НКВД и УНКВД доносят, что на местах вовсе не ведется антирелигиозная работа и приводят при этом многочисленные факты, свидетельствующие о том, что большинство организаций Союза Воинствующих Безбожников фактически не существует и массово-воспитательная антирелигиозная работа находится в загоне, и предоставлена самотеку...

В связи с этим в последнее время почти приостановилась работа по закрытию церквей. По Союзу нами учтено 7.123 бездействующих, формально не закрытых церквей, т.е. более половины всех существующих церквей.

Местные, партийные и советские кадры, а также организация Союза Воинствующих Безбожников не используют имеющиеся возможности для безболезненного и форсированного закрытия такого большого количества бездействующих церквей и не учитывают, видимо, что каждая из таких церквей является зазором в глазах верующих и поводом для церковного контрреволюционного актива к инспирированию всякого рода антисоветских проявлений.

Попы, монахи и церковные старосты всячески провоцируют верующих в местах наличия бездействующих, формально не закрытых церквей на антисоветские выступления.

...Крайне неблагоприятно обстоит также дело с использованием под культурно-общественные цели церквей, закрытых по постановлениям местных, краевых и областных советов. По неточным данным до сего времени не использовано и не снесено около 10.000 б. церковных зданий.

Бездействие и развал антирелигиозной работы, как это теперь нами установлено, были обусловлены вредительством троцкистов и иных врагов советского народа, пробравшихся в организации Союза Воинствующих безбожников, в том числе в его центральный совет.

Арестованный 4-м Отделом ГУГБ зам. председателя Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников Лукачевский, — дал на допросе показания о том, что созданная им в совете Союза Безбожников троцкистская организация, по заданию Гестапо, развалила антирелигиозную работу. Чтобы создать видимость того, что они как-то работают, троцкисты занимались антирелигиозной работой исключительно среди атеистов, и в их расчеты, отнюдь, не входило разоблачать в глазах верующих контрреволюционную работу церковников и сектантов.»⁶⁶

Вместе с тем НКВД 17-ти областей, «имеющим недостаточные результаты в оперативной работе», были «даны специальные указания о немедленной ликвидации всех церковно-сектантских контрреволюционных формирований».

К весне 1938 года власти решили, что Русская Православная Церковь физически уничтожена и отпала необходимость содержать специальный государственный аппарат по

надзору за Церковью и проведению в жизнь репрессивных распоряжений властей. С таким предложением к И.В. Сталину обращался, в частности, секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков. Выдвигалось и требование «покончить в том виде, как они сложились, с органами управления церковников, с церковной иерархией»⁶⁷. 16 апреля 1938 года Президиум Верховного Совета СССР постановил ликвидировать миссию Президиума ЦИК СССР по вопросам культов. 7 октября 1938 г. Президиум Верховного Совета РСФСР постановил отменить положение о Центральной и местных комиссиях по рассмотрению религиозных вопросов⁶⁸. С 1938 г. единственной организационной структурой, занимавшейся религиозной политикой, оставался специальный церковный отдел в НКВД.

К началу Второй мировой войны властям в значительной степени удалось создать видимость безбожного государства, но она была иллюзорна. Перепись 1937 г. показала, что более половины населения продолжало оставаться верующим.

Можно с уверенностью сказать, что гонения, которые претерпела Русская Православная Церковь за 20 лет советской власти (с 1917 по 1938 гг.) были исключительными по своему размаху и жестокости не только в истории России, но и в масштабе Вселенской истории. Казалось, что процесс искоренения православия в некоторых случаях был доведен до необратимости. Если отданные под склады или разрушенные храмы можно было в обозримой перспективе восстановить или отстроить заново, то более сотни архиереев, десятки тысяч священнослужителей и сотни тысяч православных мирян были расстреляны, и эта утрата была незаменима и невозполнима.

*А.В.Валякин,
г. Симферополь*

¹ Верноподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1916; Соколов П. Путь Русской Православной Церкви в России — СССР (1917 - 1961) // Русская Православная Церковь в СССР. — Мюнхен, 1960. — С. 81 - 82; Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — С. 35.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. — М., 2010. — С. 60.

² Титлинов Б.В. Церковь во время революции. — Пг., 1924. — С. 55.

³ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. — М., 1996. — С. 122.

⁴ Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времени. 1995. — №5. — С. 91.

⁵ Поспеловский А.В. Русская Православная Церковь в XX веке. — С. 36.

⁶ Церковные Ведомости. 1917. — № 28. — С. 191.

⁷ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. — М., 2010. — С. 68.

⁸ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. — М., 2010. — С. 69.

⁹ Церковные ведомости (Прибавления). 1918. № 1. — С. 24.

¹⁰ Там же. № 5. — С. 204.

¹¹ РГИА. — Ф. 796. — Оп. 445. — Д. 792. — Л. 9.

¹² Акты Святейшего Патриарха Тихона. — С. 149 - 151.

¹³ К канонизации новомучеников Российских. — М., 1992. — С. 54—59.

¹⁴ Жития и жизнеописания новопроставленных святых и подвижников благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших (от царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней). — СПб., 2001 — Т. 1. — С. 158 - 159.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 18. — Ст. 263

¹⁶ Церковные ведомости. 1918. № 3 - 4. — С. 20 - 22.

¹⁷ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. — М., 2010. — С. 76.

-
- ¹⁸ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 80.
- ¹⁹ История советской конституции. Сборник документов 1917—1957. – М., 1957. – С. 78, 85.
- ²⁰ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 17. – Ст. 628, № 62. – Ст. 685.
- ²¹ ГАРФ. – Ф. 353. – Оп. 2. – Д. 694. – Л. 118 - 119; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 85.
- ²² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. – Т. 2. – С. 114.
- ²³ Православная энциклопедия. Русская Православная церковь. – С. 340.
- ²⁴ ЦГА СПб. – Ф. 142. – Оп. 2. – Д. 288; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 86.
- ²⁵ Революция и церковь. 1920. № 6 - 8. – С. 117.
- ²⁶ ЦГА СПб. – Ф. 142, – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 27. – Ф. 1000. – Оп. 79. – Д. 24. – Л. 14 - 17; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 86.
- ²⁷ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 64—66.
- ²⁸ Революция и церковь. 1919. № 3 - 5. – С. 67 - 69;
- ²⁹ ЦГА СПб. – Ф. 1000. – Оп. 4. – Д. 73. – Л. 83 - 84; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 92.
- ³⁰ Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 83.
- ³¹ ЦГА СПб. – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 83. – Л. 7; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 84.
- ³² Архив Президента Российской Федерации. – Ф. 3. – Оп. 60. – Д. 63. – Л. 29; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 93.
- ³³ Там же, Л. 73 - 74; Шкаровский М.В. – С. 94.
- ³⁴ Алексеев В.А. Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. № 10. – С. 96.
- ³⁵ Новые документы В.И. Ленина (1920— 1922 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. – С. 191.
- ³⁶ Польский М. Новые мученики российские. – Джорданвилл, 1949. – Т. 2. – С. 214.
- ³⁷ Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 95.
- ³⁸ Тучков Евгений Александрович (1892 - 1950-е). Родился в Иваново-Вознесенской губ., где окончил начальную школу. В 1915 г. призван в армию, служил писарем в штабе Западного фронта. В конце 1917 г. вступил в РКП(б), с 1918 работал в ВЧК. В 1922 - 1929 гг. руководил VI («церковным») отделением секретного отдела ГПУ-ОГПУ. В 1939 г. уволен из НКВД, работал ответственным секретарем ЦС Союза безбожников. Скончался в Москве в конце 1950-х.
- ³⁹ Троцкий Л.Д. Литература и революция. – М., 1991. – С. 43.
- ⁴⁰ Известия. 1924. 1 июня.
- ⁴¹ Церковные ведомости. 1925. № 7 - 8.
- ⁴² Церковные Ведомости. 1922. № 1.
- ⁴³ Троицкий С.В. Размежевание или раскол. – Париж, 1932. – С. 46 - 49.
- ⁴⁴ Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции 1917—1923 гг. – С. 124 - 125.
- ⁴⁵ Советская юстиция. 1934. № 16.

-
- ⁴⁶ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 35. – Ст. 353; Алексеев В.А «Правая оппозиция» и борьба с религией // Агитатор. 1989. № 5. – С. 41,43.
- ⁴⁷ Зыбковец В.Ф. Безбожники и социалистическая перестройка деревни. – М., 1930. – С. 18 - 19; Правда. 1928. 13 апреля.
- ⁴⁸ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917—1945. – Париж, 1977. – С. 476.
- ⁴⁹ Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917—1938 гг.). – С. 45 - 46.
- ⁵⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 5. – С. 104.
- ⁵¹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 121.
- ⁵² Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М., 2002. – С. 149.
- ⁵³ Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 121.
- ⁵⁴ Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918—1953). М.; Жуковский, 2006. – С. 255 - 463.
- ⁵⁵ Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М., 1992. – С. 128 - 129.
- ⁵⁶ ЦГА СПб. – Ф. 1000. – Оп. 51. – Д. 26. – Л. 30 - 35, 87, 99. – Ф. 7384. – Оп. 2. – Д. 20. – Л. 5 - 6. – Д. 39. – Л. 143, 156. – Оп.33. – Д.204. – Л.145.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 123.
- ⁵⁷ Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. – С. 322 - 323.
- ⁵⁸ Алексеев В. А. Цели разные, участь общая. // Агитатор. 1989. № 21. – С. 39 - 40.
- ⁵⁹ Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 126.
- ⁶⁰ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – С. 327; Краснов – Левитин А. Лихие годы 1925 - 1941. – С. 322
- ⁶¹ Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – С. 170 - 171.
- ⁶² Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 126.
- ⁶³ Известия. 1995. 29 ноября.
- ⁶⁴ Доклад А. Емельянова на конференции в Российском государственном историческом архиве в мае 1995 г.; Яковлев А.Н. По мощам и елей. – М., 1995. – С. 94—95.
- ⁶⁵ Доклад А. Емельянова на конференции Свято-Тихоновского гуманитарного университета в ноябре 2007 г.; Шкаровский М.В. Русская православная церковь в XX веке. – М., 2010. – С. 127.
- ⁶⁶ ЦА ФСБ. – Ф.3. – Оп.4. – Д.244. – Л.64-78; Хаустов В.Л., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 407 - 414.
- ⁶⁷ Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. – М., 1994. – С. 96.
- ⁶⁸ ЦГА СПб. – Ф. 7384. – Оп. 33. – Д. 69. – Л. 21.